

Вырезка из газеты ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

от 26 января

1985 г.

г. Москва

ИЗ БЛОКНОТА ТЕАТРАЛА

Предание приписывает эти слова знаменитому драматическому актеру Александринского театра Константину Александровичу Варламову.

Сказав однажды, что «играть можно даже поваренную книгу», Варламов считал, что все дело в том, КТО будет ее представлять — ученый муж, чревоугодник, больной, страдающий несварением желудка, или просто брюзга, которому ничем угостить нельзя.

Как известно, сам Варламов так и не сыграл «поваренную книгу». Но можно себе представить, какие краски он смог бы найти, играя ученого мужа, чревоугодника, больного или брюзгу по тексту поваренной книги!

Надо было знать этого человека, всей душой пре-

«Играть можно и поваренную книгу»

данного театру. В своем стремлении играть он заходил так далеко, что искренне сожалел, что не может переиграть все роли во всех спектаклях.

Каждому, с кем ему приходилось работать, он внушал одну из своих заповедей:

— Если роль тебе не удалась, не говори, что виноват автор пьесы...

Однажды Варламов согласился выступить в маленьком эпизоде, и кто-то из друзей спросил его:

— Что же ты, Костя, взял эту роль? В ней и играть-то совсем нечего.

Для Варламова роль была канвой, на которую он нанизывал каждый раз новый рисунок, обраставший вариациями неистощимой выдумки. Поэтому он не рассердился, не обиделся и лишь назидательно ответил:

— Ошибаешься, милый. Раз у роли есть имя и фамилия, два поступка и шесть слов — это уже человек, а не садовая скамейка. Прибавь капельку истинного чувства, немного собственного воображения — вот и будет тебе что играть... даже в поваренной книге!

Случай в радиостудии

Не секрет, что в театре различные виды шумов и звуков создают своеобразное настроение.

Роль «шумов» особенно возрастает при передаче спектакля по радио.

Вот какой случай произошел с Осипом Наумовичем Абдуловым, которого справедливо называют одним из основоположников радиопостановок.

Актриса Е. Метельская, друг и помощник О. Н. Абдулова, вспоминала, что для очередного радиоспектакля понадобился лай деревенской шавки. Актеры по очереди пытались изобразить на разные голоса, но Абдулова не устраивала по-

добная самодеятельность. В тот момент, когда он, казалось, впал в отчаяние, помощник режиссера воскликнул:

— Вспомнил! Есть такой специалист высокого класса. Во МХАТе выступает. В «Трех сестрах» за сценой рычит.

На следующий день в студию пришел солидный человек с маленьким саквояжем и изящными манерами. Он подошел к микрофону, и в то же мгновение раздался такой выразительный, зычный лай, что все вдруг стали пугливо озирались.

— Превосходно! — просиял Абдулов. — Никогда не слышал ничего подобного.

Он мягко взял «специалиста» под руку и стал

объяснять задачу: нужен обыкновеннейший пугал, этакая шавка, которая просто, без особой причины тявкает.

«Специалист» изменился в лице.

— Позвольте! — сказал он с возмущением. — Я исполняю роли только породистых собак. Могу дать голос ну, там боксера, доберман-пинчера, дога, сеттера. На худой конец — пуделя. Но — шавку?!

Он повернулся и величественно поплыл к выходу.

Абдулов обмяк, растерянно посмотрел вслед, несколько раз пробормотал про себя что-то вроде — «высокий класс», потом громко, во всеуслышание объявил:

— Попробуем обойтись самодеятельностью...

Дмитрий ВРУДНЫЙ.